

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА VERSUS ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: MORFOLOGIA DISKURSA

В статье рассматриваются методологические возможности исследовательских стратегий морфологии дискурса в политологических исследованиях политической культуры. Обосновываются методологические возможности концептуализации политической культуры посредством использования семантики концепта политической памяти. Анализ символических форм политической памяти особенно значим для понимания дизайна политической культуры в политологических и социологических исследованиях.

Ключевые слова: политическая культура, политическая память, социальная морфология, символические формы.

Актуальность обращения к проблеме коммуникативного потенциала дискурса *политическая культура* и такой его значимой семантической составляющей, как академический дискурс политической культуры, достаточно очевидна в реалиях растущей фрагментации политического порядка и резкого возрастания амбивалентности влияния многообразных культурных, символических ресурсов на институциональную динамику. Усложнение политических коммуникаций современного мира не может не вести к возрастанию активности политических акторов по символическому конструированию политических ожиданий и конфликтной динамике способов описания политического процесса. Реальность и действительность современных политических коммуникаций реактуализируют методологическую интенцию Г. Лассуэлла о необходимости преодолевать стремление к «гомогенности» в предметной области политической науки, тяготеющей к изучению институтов государственного управления, поскольку политическая наука — «живая дисциплина» о политическом взаимодействии и влиянии во всем его многообразии и на разных уровнях, а за принятыми паттернами государственного управления всегда скрывается множество культурных феноменов, символически и весьма противоречиво воздействующих на институционализированные события (Lasswell, 1951, p. 310–325; Лассуэлл, 1994, с. 141–143). Это высказывание авторитетного американского ученого, хотя и прошли десятилетия, сохраняет свою актуальность применительно к предметной области политологических исследований политической культуры, где доминируют социологические модели, в рамках которых ее символические структуры рассматриваются производными от более «жестких» переменных социальных структур (см., напр.: Alexander, 2003, p. 11–26) вне связи с мультидисциплинарными исследованиями культуры как исторической формы социальной памяти.

ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дискуссии о методологическом потенциале дискурса *политическая культура* достаточно регулярно возникают в предметной области политологических исследований. Подобные теоретические дебаты весьма часто констатируют, что этот академический дискурс не способен привнести упорядоченность в наши представления об идеальных измерениях современной политической реальности, актуализируя в очередной раз иронию П. Бурдьё о жизненности теоретического фетишизма в социокультурных исследованиях, когда этот концепт используется как «почти неиссякаемый ящик» для «разных мелочей» (Бурдьё, 1994, с. 50–57). Присутствует и альтернативная установка, когда в стремлении обосновать посылку, что «культура имеет значение», обращение к концепту «политическая культура» начинает напоминать «отливку серебряной пули» для успешной борьбы с теоретическими «оборотнями» в условиях дефицита методологических ресурсов, как образно резюмировал один из англоязычных исследователей.

Исследовательская программа Г. Алмонда, нацеленная на операционализацию понятия политической культуры как «набора переменных» для выявления специфики политических систем и где изучение политических ориентаций граждан рассматривается как ключевой элемент постижения политической культуры, весьма часто критически дорабатывалась на предмет ее научной эвристики¹. При этом критические импульсы в адрес последователей американских ученых исходят как со стороны позитивистски ориентированной политологии, так и от тяготеющих к конструктивистской парадигме в политико-культурных исследованиях, не отрицающих «интерпретативной» значимости концепта *политическая культура*. Критическая рефлексия на этот счет в политологической литературе весьма пространна и часто сопровождается выводами, что дискурс *политическая культура* в семантическом плане весьма размыт и не может претендовать на статус научного, а использование его семантического потенциала в политической науке должно ограничиваться инструментальными контекстами, допускающими операционализацию при эмпирических исследованиях политических установок. Справедливости ради следует отметить, что американский ученый не рассматривал свою исследовательскую программу в качестве научной теории, хотя и не отвергал возможности ее создания (Almond, 1989, с. 26).

---

¹ Среди обзорных публикаций о методологических стратегиях политико-культурных исследований зарубежных и отечественных политологов, очевидный всплеск которых прослеживается на рубеже политических трансформаций конца XX — начала XXI века, можно отметить статьи (см., напр.: Wilson, 2000; Wedeen, 2002) и публикации в тематических выпусках журналов (см., напр.: Pro et contra: Политическая культура, 2002; Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние, 2006). Среди последних отечественных публикаций подобного рода (Международный журнал исследований культуры: Политические культуры: типологии и факторы развития, 2014). Автор данной статьи также отдал дань критическому анализу и классификации способов исследования политической культуры, склонившись к приоритету исследовательских стратегий культурсоциологии (см.: Завершинский, 2002; Завершинский, 2006; Завершинский, 2012).

Однако данная статья не ставит задачу традиционного и пространного обзора методологических возможностей или ограничений существующих подходов в исследовании политической культуры. Повышение эвристичности научных исследований политической культуры, на наш взгляд, предполагает выход за рамки некоторых весьма устойчивых теоретико-методологических клише, которые прослеживаются на примере научных дискуссий о специфике природы и способов научной концептуализации политико-культурных феноменов. Статья нацелена на *выявление взаимосвязей политико-культурных исследований и социальной морфологии феноменов, номинируемых в политологии «политической культурой»*. Дискурсивной основой подобной корреляции, как полагает автор статьи, являются символические фигуры и структуры политической памяти.

Отдавая должное политологическому воображению творцов критической метафоры исследований политической культуры и обоснованности их логической аргументации, автор статьи склоняется к тому, что подобные методологические доводы несколько затемняют суть проблемы, оставляя открытыми ряд вопросов. Что скрывается за этой постоянной и не всегда методологически продуктивной семантической диверсификацией, идеологизацией и мифологизацией академического дискурса политической культуры в современных политологических исследованиях? Связана ли она с естественной динамикой и многослойностью *смыслосодержания* концептов, составляющих его, накоплением семантического потенциала для более эвристических концептуализаций политико-культурных феноменов, или же это — следствие качественно новых процессов в коммуникативном пространстве современной политики вообще и политической системы российского социума в частности, не вписывающихся в семантику сложившихся методологических стратегий?

Теоретическая неопределенность, отсутствие оформленности и внутренней семантической комплементарности в современном академическом дискурсе политической культуры, по мнению автора статьи, обусловлены не только «столкновением с айсбергом» «концептуальных натяжек» или отсутствием навыков в использовании «зонтичных понятий» при исследовании политико-культурных феноменов. При согласии в целом с теоретическими посылами о необходимости преодоления *концептуальных натяжек* в использовании семантического содержания концепта «политическая культура» более значимым для ответа на подобные вопросы нам представляется *артикуляция дискурсивных оснований, базовой морфологии современных политико-культурных исследований*.

Не определившись по вопросу базовых семантических фигураций дискурса *политическая культура*, можно вести методологические дискуссии бесконечно, декларируя, в конечном счете, значимость «методологического плюрализма» или выявляя некую доминирующую тенденцию или стратегию в исследованиях политической культуры, попадая в зависимость от предметной области той или иной науки или субдисциплины, в рамках которой ведется изучение политико-культурного процесса.

МОРФОЛОГИЯ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование морфологии политико-культурных исследований позволяет углубить понимание и классификацию политических коммуникаций на основе артикуляции их базовых дискурсивных «фигур», «семантических структур», «порождающих моделей». Сторонники морфологического анализа в политологических исследованиях так или иначе подчеркивают его возможности для творческой коэволюции новых и более традиционных исследований влияния социокультурной динамики на политическую институционализацию. Реализация подобной методологической установки, пока еще и достаточно фрагментарно представленной в современных стратегиях изучения политической культуры, на наш взгляд, остается теоретической и методологической проблемой, поскольку имеет множество теоретических лакун и предполагает уточнение ряда методологических вопросов. *В чем специфика морфологического анализа политической культуры и ее символических репрезентаций? Как и какие дискурсивные структуры, «фигуры» играют определяющую роль в научных способах интерпретации политической культуры? Какие стратегии морфологического анализа выглядят перспективными при изучении процесса социального конструирования политических коммуникаций?*

Морфологические исследования общества, при всей вариативности методологических оснований, так или иначе нацеливают на артикуляцию структурных оснований социальных феноменов, выявляя значимые признаки сходства и различия для последующей их классификации. Не подвергая сомнению возможность многообразия субдисциплинарных социальных морфологий политико-культурных исследований, автор статьи разделяет методологические установки тех авторов, которые полагают, что осуществить смысловое «стягивание» при изучении политико-культурных артефактов в рамках разнообразных политологических субдисциплин возможно прежде всего на основе методологии *дискурсного* анализа, когда коммуникативные практики политики рассматриваются как специфический дискурс-процесс.

Социальная морфология научного дискурса², как полагают сторонники подобной «трансдисциплинарной» методологии, позволяет выявить смысловые

---

² Автор статьи, в связи с этим, разделяет понимание дискурса как логической последовательности осмысленной деятельности, проявляющейся в развертывании смыслов, выраженных словами, знаками и значащими действиями. Социальный дискурс тем самым можно сущностно уподобить «речи», а социальную систему в ее знаковом выражении — «языку». Дискурсивность означает включенность многообразных социальных практик, в том числе и академических, в общий смысловой контекст, что позволяет обеспечить последовательное сочленение единичных смысловых элементов социальных коммуникаций, придать им смысловую целостность вне зависимости от естественной вариативности поведения отдельных акторов в тех или иных социальных пространствах. Политический дискурс тем самым становится средством упорядочения и эволюции политической реальности, превращая политическую действительность в общение, коммуникацию, а «дискурс-процесс» может быть представлен *концептуарием*, своего рода словарем (набором смыслов и символов), способами соединения понятий и символов (кодом), системной логикой коммуникативного взаимодействия акторов (см., напр., Ильин, 2002а).

измерения (значимые признаки и параметры) «структур отношений», «конфигураций» социальных феноменов, артикулировать их «порождающие модели» посредством операции «очищения» отдельных специфических дискурсов от фактуры и исследовательских приемов, связанных с субдисциплинарными, дисциплинарными и предметными контекстами, с тем чтобы в последующем «насытить предметностью» эти артикулированные формы, модели в процессе конкретных научных исследований. Подобные политические формы варьируются во времени и пространстве, поэтому принципиально дополнять пространственный анализ социальных форм политической деятельности темпоральным. Морфология политического процесса позволяет артикулировать его смысловые формулы, коды и программы, которые можно назвать «памятью», и выявить тем самым потенциал политического развития, поскольку такая формула не только отражает то, «как осуществился некий политический процесс», но и сохраняет «то, что осуществилось» (Ильин, 2014, с. 60; Ильин, 2015, с. 86).

Отталкиваясь от подобной трактовки специфики морфологического анализа дискурсивности, академический дискурс политической культуры, если он претендует на упорядочение идеальных фрагментов политической реальности, должен обрести статус научного события, выступать значимым семантическим ресурсом научных коммуникаций при описании специфики политико-культурных процессов. Доминирующие же в политической науке локальные дискурсы политической культуры, как уже отмечалось, часто нечувствительны к специфике лежащих в их основании дискурсивных форм и структур, что приводит к утрате ими статуса научного события и нередко вытесняет на периферию описаний эволюции современного политического процесса.

При всей вариативности подобной междисциплинарной методологической стратегии исследователей, которых условно можно отнести к сторонникам *дискурсивного анализа морфологии социокультурных феноменов*, их объединяет онтология интерпретации социальной коммуникации как смыслопорождающего процесса. Общество же в этом контексте можно представить как систему, конституирующую смысл. Анализ *дискурсивных оснований* политических коммуникаций, в частности символических структур дискурса политической культуры, подразумевает специфический способ научного наблюдения, интерпретацию общества (политики, в частности) как системы «конституирующей», «оформляющей» смысл посредством единства отношений таких компонентов, как «информация», «сообщение» и «понимание». При этом понимание — генерализация, обобщение смысла выступает определяющим звеном коммуникативного акта, в ходе которого многообразие социальных взаимодействий обретает социальную значимость и, соответственно, *представленность* в виде символических конструкций, которые приобретают характер *смысловых комплексов*. Изучение политической культуры тем самым должно быть «чувствительным» не только к фиксации и описанию политических ориентаций, политических идентичностей или частных практик легитимации политического доминирования, но и к формам и процедурам подобного семантического маркирования коммуникативных взаимодействий, в символических границах которых они возникают.

Обозначенные методологические акценты позволяют рассматривать теоретико-методологические проблемы политико-культурных исследований в несколько иной плоскости, нежели в контексте констатации «научной ущербности» или «совершенства» той или иной субдисциплинарной стратегии исследования политической культуры. Динамика в интерпретации смысла и содержания концепта *политическая культура* напоминает скорее «колебательное» мерцание огней Эльма, сигнализируя о «семантических бурях», качественных изменениях в способах описания политических коммуникаций. Этот концепт не столько семантически затемняет или проясняет рационализацию при описании политического процесса, сколько выполняет иную задачу — обозначает семантические границы, «которые могут быть пересечены» (Луман, 2005, с. 208–209), стимулирует изменения программ политических действий и политических кодов. Отсутствие «чувствительности» к подобного рода «фигурациям», прослеживаемым в пространстве политических коммуникаций и их семантической «осцилляции», всегда таит риск утраты исследователями политической культуры способности к более сложным различениям и категоризациям. Концепт *культура* и *политическая культура* — следствие исторической эволюции форм социальной памяти в нововременных полициях, ведущей к сложным конфигурациям «прошлых» и «новых» («современных», «модернизованных») «рамкам» политической памяти. На основе подобных общих методологических установок можно получить некоторые теоретические следствия, значимые, на мой взгляд, для морфологического анализа дискурса *политическая культура*, прогнозирования способов и форм его дальнейшей семантической эволюции.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ДИСКУРСИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как отмечалось выше, морфология политического процесса в рамках дискурсивного анализа позволяет артикулировать его смысловые формулы, коды и программы, которые выступают своего рода памятью политических коммуникаций. Такого рода память необходима для повторения, когда ситуация распознается как повторение другой ситуации, без чего невозможна пролонгация коммуникативного процесса. Память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (Луман, 2005а, с. 104; Луман, 2007а, с. 110). Эти «предположения» вынуждают к обобщениям при мотивации поведения. «Память» в таком случае — не столько сохранение прошлых идентичностей, сколько процесс накопления знаний из *прошлого* для их использования в последующем, постижение нового через реактуализацию прошлого и возможного будущего, что, в свою очередь, символически структурирует ожидания в предметном, социальном и временном горизонтах.

Симптоматичен в связи с этим периодически возникающий интерес к использованию понятия «социальная память», «культурная память» и сопутствующих ему концептов («политическая память» и «политика памяти») в современных

междисциплинарных социокультурных исследованиях³. Понятие «социальная память» может использоваться как метафора при характеристике культурно-исторических факторов социальных взаимодействий либо связываться со специфическим методом изучения «социальных рамок» подобных интеракций или претендовать на новый категориальный инструментарий исследования современных коммуникативных практик в социологической и исторической теории. При этом можно согласиться с Теном А. ван Дейком, что хотя общая структура социальной памяти до сих пор неизвестна, ее исследование возможно как изучение процесса конструирования на основе «знаний, позиций, идеологий и норм, когнитивных моделей» (Дейк, 2013, с. 208, 215).

Когнитивные процессы и репрезентации, как отмечает нидерландский ученый, определяются относительно абстрактной ментальной структурой, которую он называет «мемор» и описывает как «кратковременную» и «долговременную память». Долговременную память он, в свою очередь, разделяет на эпизодическую и семантическую (социальную) (Дейк, 2013, с. 197–200). Информация в социальной памяти организована на основе ментальных репрезентаций (ментальных структур). Субъекты, в результате динамики подобных структур, порождают модели событий и действий (событийные модели), определяющие содержание значений дискурсов и обеспечивающие связь и синхронизацию кратковременной памяти (личностной) и социальной. Вместе с тем подобные теоретические суждения нуждаются в уточнении, поскольку, как замечает сам нидерландский исследователь, при трактовке структур социальной памяти он отталкивается от категориального аппарата психологии, характеризуя модели действий как субъективно-оценочные репрезентации («субъективные характеристики политического познания»), детерминированные культурной средой как основой коммуникаций и интеракций в обществе. Это ведет, на наш взгляд, к теоретической редукции, поскольку структуры социальной памяти и политической памяти описываются как переменные, зависящие от пространственных измерений или субъективно переживаемого опыта реализации политических решений.

Более продуктивными в методологическом плане видятся теоретические ремарки одного из авторитетных исследователей коммуникативных структур «культурной памяти», антрополога Я. Ассмана. В трактовке Я. Ассмана социальная, культурная память — это комплекс обеспечивающего идентичность знания, смыслов, объективированных в символических формах (Ассман Я., 2004, с. 16, 64, 71, 82). Всякое «вспоминание», как постоянно подчеркивает Я. Ассман в своих работах, — это прежде всего акт семиотизации и символизации. В этой эпистемологии темпоральные рамки социальной памяти рассматриваются в качестве базового символического параметра культурных коммуникаций. Показательно в связи с этим его суждение о том, что «синтез времени и идентичности осуществляется посредством памяти» (Assmann J., 2010, p. 109). Я. Ассман

---

³ Обзор подходов и авторская позиция по вопросу приоритетов в концептуализации феномена социальной памяти и темпоральных структур политической памяти более подробно представлены в работах автора в тематических сборниках научных трудов ИНИОН «Символическая политика» (см.: Завершинский, 2012б; Завершинский, 2014).

полагает, что «память» — метонимия, которая благодаря своей семантике, первоначально частной по отношению к понятию *культура*, существенно обогащает смысловое содержание концепта *культура* (Assmann, 2010, с. 109–111). С помощью понятия *память* можно строить цепочку новых таксономий, которые существенно расширяют возможности анализа идеальных процессов в политике.

Если концепт *политическая культура* в традиционном политологическом дискурсе позволял наблюдать динамику идеального в политических коммуникациях (политические «ценности», «идеалы», «нормы») с позиций «рационального гражданина», то концептуализация идеального в политических коммуникациях посредством понятия *политическая память* позволяет отвечать и на вопросы, как и каким образом «идеальное имеет значение» для прагматики политического существования. Знания в символических горизонтах политической памяти общества, структурированные в политические ожидания, выступают порождающими моделями политических событий и социальной солидарности (событийные модели социальной ответственности), обеспечивающими синхронизацию социальной памяти (личностной, корпоративной) и политической памяти, превращая решения политических акторов в публичную политику.

Тем самым исследование морфологии политической памяти позволяет отвечать на вопросы: *кто и как осуществляет контроль над публичным дискурсом во всех его многообразных семиотических проявлениях, кого и как исключают из процесса публичных репрезентаций на различных уровнях социальных взаимодействий* (Dijk, 2010, р. 14). Политическая память, как и всякая иная социальная память, «порождает» (символически маркирует) временные и пространственные диапазоны политических коммуникаций, «принуждая» как непосредственных участников политических интеракций, так и тех, кто их «наблюдает», в частности политологов, жить «во времени и пространстве».

При этом можно считать принципиальной теоретическую посылку А. Ф. Филиппова, предложившего учитывать особенности изучения «способов коммуникации по поводу фактов», несколько переформулировав ее применительно к исследованию политических феноменов. Теоретическую политологию коммуникативного процесса можно разграничить на «преимущественно» временную или пространственную в зависимости от приоритета пространственного или временного сопряжения фактов политической действительности. Можно сказать, что политологи, занимающиеся изучением динамики смыслового оформления политических коммуникаций в горизонте времени, ориентированы прежде всего на исследование политической культуры, те же, кто акцентирует предметный и социальный аспекты горизонта властных коммуникаций, ориентированы на пространственную реконструкцию синхронии социального позиционирования. Темпоральное кодирование является важнейшей составляющей коммуникативного процесса, обеспечивая непрерывность политических коммуникаций в процессе реализации решений и превращения их в действия.

На это же обращает внимание М. В. Ильин, опираясь на артикулированные им измерения политического времени. В русле его теоретических интенций оформление политической памяти можно представить как формирование некой осмысленной череды действий, событий или состояний, где «волны памяти» —

схемы ритмической организации, типизации политических событий и «примеров их фактической реализации», «сюжетов развития», «программ воспроизводства политических систем». Политика памяти — обоснование «прошлых», «настоящих» и «будущих» сюжетов политического курса, выступающих своего рода ритмическими программами возможного и/или желаемого хода политических событий. При этом не все сюжеты содействуют темпоральному структурированию и соответствуют перспективным векторам эволюции политической действительности (Ильин, 2002б, с. 30).

Подобный способ наблюдения и описания политико-культурных феноменов предполагает не поиск «духовных оснований» или ценностного консенсуса как необходимого условия политического порядка, а исследование процесса «как» и «кем» задается политическое время», в каких временных горизонтах существуют те, кто «запускает действие, делает предложение или самопрезентацию и тем самым ставит других перед необходимостью реагировать» (Луман, 2007а, с. 332).

На значимость подобной семантической морфологии культурных феноменов обращают внимание и другие исследователи. Так, Алейда Ассман вводит понятие «временной режим культуры», обозначающее, как она отмечает, «темпоральную организацию и ориентацию, укорененные в культуре», как основу для возникновения когнитивных схем коллективных взаимодействий (Ассман А., 2012). Специфику временного режима Нового времени, для которого характерно структурирование событий из «настоящего», она характеризует как «время разрыва», «фиктивное новое начало», «творческое разрушение», «возникновение понятия “исторического”», «ускорение», опираясь (что симптоматично) на семантический анализ, представленный в рамках немецкой школы «истории понятий» Р. Козеллека.

Идеи интеллектуального лидера этого научного направления о «темпоральных внутренних структурах понятий», определяющих эволюцию семантического содержания текстов и специфику социальных ожиданий в обществе (Козеллек, 2010), весьма хорошо дополняют обозначенную А. Ассман стратегию изучения символических структур социальной памяти. Именно структуры социальной памяти, на наш взгляд, являются своего рода символическими границами, неким виртуальным «резервуаром» возникающих смыслов. Эти структуры определяют темпоральность социальных концептов, которые отражают ожидания людей, описывают разрушение/появление новых идентичностей и их институциональный дизайн, ориентируя участников коммуникаций на «настоящее», «прошлое» или «будущее».

В связи с этим представляется перспективным изучение дискурсивных форм, символических презентаций политической памяти и такой ее исторической формы, как политическая культура, на основе методологического инструментария исследований пространственно-временных структур, «режимов» политической памяти, предопределяющих динамику и направленность способов описания и символизации политической реальности. Время при этом понимается как специфическое культурное «измерение смысла», способ символического оформления событий политической коммуникации, когда символическое выступает как «архивированная» презентация множества таких событий.

Принципиальными в связи с этим видятся замечания методологов коммуникативного процесса (Луман, 2005, с. 204), полагающих, что «понятие культура является... историческим понятием» и оно было введено для того, чтобы «приспособить» социальную память (когнитивный инструмент смыслового структурирования общественного со-знания — «структурирующей структуры») под требования современного, сложного общества, обладающего собственной динамикой. Поэтому «культура не постигается как лучшая из всех возможностей». Специфика семантических кодов концепта *культура* и ее символических презентаций выражается в том, что они актуализируют «прошлое» и «будущее» в «референциальных рамках современности», определяя пределы «варьирования будущего».

Подобная интерпретация смысла *культурного процесса* и роли концепта *культура* в социальных исследованиях обусловлена особенностями истории становления этого концепта. В публичном и научном дискурсе артикуляция понятия *культура*, которым со временем начинают обозначать особую предметную область исследований и «особую реальность», происходит в европейских языках во второй половине XVIII века. Несмотря на то что на первых фазах своей концептуализации это понятие неизбежно было семантически «обременено» теологическими коннотациями и «склонностью» к поиску устойчивых *субстанциональных оснований духовности*, его оформление изначально было связано с осмыслением проблемы распада социальных структур и «связи времен» в связи с кризисом средневековой категоризации пространства и времени.

Концепт культуры вытеснил представления об абсолютной значимости «бога» как символа идентификации, приведя ему на смену «природу», «разум», «личность», «гражданина». Именно подобная концептуализация превратила в последующем понятие *личности* как важной составляющей *культурной концептуализации*, с ее семантикой нескончаемого самоопределения, в значимого референта при структурировании смысловых горизонтов социальных событий. Симптоматично, что оформление понятия *политическая культура*, ее предметной области, вполне отчетливо коррелирует с весьма противоречивым процессом расширения пространств для политического самоутверждения личности. Осмысление опыта человеческого существования посредством апелляции к концепту *культура* стало знаково-символическим индикатором появления «модернизационных» (*современных*) форм *социальных представлений о времени и идентичностей*, умножающих все новые альтернативы для коллективных взаимодействий на основе их темпорального измерения в семантическом горизонте «прошлое»/«будущее» из «настоящего», а не «божественной полноты времен».

Подобная методологическая установка снимает прямую или косвенную отсылку к некой предзаданности политико-культурных феноменов, ставя их в зависимость от подвижных смысловых проекций, где доминирующими, начиная с *Нового времени*, являются специфические темпоральные схемы структурирования коммуникативного процесса. При таком взгляде на культурный процесс социальные идентичности и их ценностные иерархии вторичны по отношению к динамике горизонтов смысловых проекций из настоящего, так они отображают не столько прошлую социальную реальность, сколько символически

фиксируют актуальность смыслового выбора, каждый раз переопределяя, что нам следует *помнить* на этот раз. Выбор в проекции времени настоящего (*культуры*) противодействует «закрепощению» представлений о незыблемости социальных позиций и тем, подлежащих обсуждению, делая акторов более динамичными (превращая их в *личность, гражданина*) и восприимчивыми к возможным альтернативам *будущего*, которые они сами вынуждены продуцировать. Это порождает насущную потребность в классификации культур в соответствии не с гипотетическим доминированием тех или иных моделей пространственной социальной иерархии, а с особенностям конфигурации смысловых комплексов на основе темпорального маркирования социальных событий.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В контексте обозначенных выше методологических экспликаций дискурсивной морфологии концепта *культура* проясняются причины теоретической ограниченности, партикулярности существующих академических дискурсов политической культуры. Это связано с тем, что описываемые ими «зависимые переменные» (*dependent variable*) и ценностные предпочтения в политических ориентациях классифицируются преимущественно в семантике пространственных измерений политической памяти, даже если сопровождаются отсылками к «исторической эволюции» политических институтов. Подобная морфология дискурса политической культуры характерна как для нормативно-этических способов структурирования ценностей политической культуры, так и для позитивистско-инструменталистских. Акцент на поиск пространственной аксиоматики политических ценностей в качестве оснований для типологизации политических культур влечет за собой, как обоснованно отмечает Н. Луман, построения телеологического плана при описании социальных коммуникаций.

Ценности, ценностные обоснования в процессе коммуникативного взаимодействия — своего рода слепые пятна (Луман, 1991, с. 206), которые побуждают политических акторов к поиску символов согласия («схем согласия») на основе разграничения политических ценностей и антиценностей («политического цинизма»), но сами по себе не являются основанием структурирования социальных коммуникаций в современном обществе. Ценности как осознанные или неосознанные представления о должном и желаемом, как и прежде, создают смысловой фон для выбора альтернатив и облегчают коммуникацию в условиях ее непредсказуемости, проверяя на адаптивность программы политических действий, высвечивая их относительность (Луман, 2007б, с. 419). Однако в условиях множественности и качественного разнообразия участников символического конструирования ценностные обоснования в современном обществе (хотим мы это признать или нет) реализуются через идеологию и публичную риторику, где идеология нередко «совершает великие преступления, а аргументация — мелкое жульничество» (Луман, 2005в, с. 178–179, 258–260). Публичное пространство в модернизирующихся обществах может легитимироваться весьма вариативными системами ценностных предпочтений по вопросу

соотношения публичного и частного, предопределяемыми спецификой и симбиозом темпоральных режимов политической памяти и вариативностью символических кодов социальных коммуникаций.

В связи с этим более эвристичным представляется дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на когнитивные модели современной «культурсоциологии» (cultural sociology), представители которой подчеркивают необходимость перехода к «сильной программе» (strong program) исследований культурных феноменов, которая должна опираться на когнитивный анализ символических структур сетей смыслов, где культура выступает независимой переменной, в отличие от «слабых программ», где описания ценностей, норм, идеологий чаще всего производны от институционального строя или редуцируются к частным социально-психологическим феноменам (Alexander, 2003, p. 11–26; Alexander, 2008, p. 157–168).

Для морфологического анализа политической культуры представляют интерес теоретико-методологические посылки «исторического институционализма», представители которого обратили внимание на влияния «культурных фильтров», «институциональной культуры», «организационной легитимности» на институциональное строительство. Подобные факторы порождают эффект «колеи истории» (*присутствия «эффекта прошлого в будущем»*), Неформальные, культурно обусловленные решения прошлого могут переноситься в настоящее, становясь важным источником непрерывности, преемственности социальных изменений в настоящем. Это ведет к сохранению политических институтов, которые на первый взгляд избыточны и не в полной мере отражают институциональное равновесие или функциональную целесообразность новой политической реальности (см., напр.: Amenta, Ramsey, 2010, с. 16).

Социологическая конкретизация, содержательное опредмечивание обозначенных выше теоретических экспликаций исследования морфологии дискурса политической культуры как конфигураций мнемонических символических структур, структур политической памяти, возможна на основе существующей уже в рамках исследований «культурной прагматики», нацеленной на изучение многообразных форм динамики «социального перформанса», «драматургии власти». Социальный перформанс включает многослойный процесс символического конструирования и средств символического производства социальной власти, он порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия (Alexander, 2006, p. 29–89).

Перспективными для реализации методологической установки на конкретизацию исследований многослойности форм политической памяти выглядят социологические модели качественного анализа частных случаев *работы памяти*, где предложены способы исследования «фигураций» памяти как меняющихся соотношений в символической репрезентации прошлого и настоящего. Подобные фигурации описываются посредством эмпирического анализа процесса символической борьбы «памятей» и «за память» в социальных полях, средств передачи памяти, жанров и профилей социальной памяти для обоснования прошлого («почему так») и будущего («как это будет») (Olick, 2010, p. 158–159; Олик, 2012).

Таким образом, актуализация исследований морфологии научного дискурса политической культуры посредством артикуляции символических фигур и кодов социальной памяти позволяет преодолевать теоретико-методологические ограничения анализа политической культуры как «зависимой переменной», тяготеющей при описании процессов символического конструирования политического порядка и типологизации политических культур к пространственным категориям и интерпретациям. На основе артикуляции темпоральных «рамоч», режимов политической памяти можно комплексно использовать уже имеющиеся способы структурирования, классификации и содержательного анализа символических форм, объектов и практик политической культуры в их диахронии. Очевидно, что категориальный аппарат подобной программы морфологических исследований идеальной составляющей политических процессов нуждается в обосновании и операционализации. Существующий уровень разработанности междисциплинарной стратегии и инструментария дискурсивных исследований социальной памяти позволяет надеяться на решение подобной задачи.

Литература

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 2004. 368 с. (Assmann J. Cultural memory: Letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / trans. by M. M. Sokolskaya. M.: Languages of Slavic culture. 2004. 368 p.).

Ассман А. Трансформации нового режима времени // НЛО. 2012. № 116 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (дата обращения: 29.08.2015) (Assman A. Transformation of the new regime of time // NLO. 2012. N 116 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (date of access: 29.08.2015)).

Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Шматко Н. А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с. (Bourdieu P. Start. Choses dites. M.: Socio-Logos, 1994. 288 p.).

Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с. (Dijk T. A. Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication. M.: LIBROKOM, 2013. 344 p.).

Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: Опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19–30 (Zavershinsky K. F. Cognitive foundation of political culture: Experience of methodological reflection // Polis. 2002. N 3. P. 19–30).

Завершинский К. Ф. Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние. М.: ИНИОН РАН, 2006. № 3. С. 38–43 (Zavershinsky K. F. Political culture as a way of semantic constitution of political communications // Political science: Studies of political culture: the current state. M.: INION RAS, 2006. N 3. P. 38–43).

Завершинский К. Ф. Политическая культура общества: от «зависимых переменных» к «сильной программе» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012а. Т. 8, № 1. С. 30–39 (Zavershinsky K. F. The political culture of society: from the “dependent variable” to “strong program” // Political expertise: POLITEX. 2012a. Vol. 8, N 1. P. 30–39).

Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: О. Ю. Малинова — гл. ред. и др. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. 2012б. С. 149–163 (Zavershinsky K. F. The symbolic structure of the political memory // Symbolic politics / O. Yu. Malinova — Ch. Ed. Vol. 1: Construction of notions of the past as a power resource. 2012b. P. 149–163).

Завершинский К. Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: О.Ю.Малинова — гл. ред. и др. М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 80–92 (*Zavershinsky K. F. Symbolic politics as the social construction of the temporal structures of social memory // Symbolic policy / O.Yu. Malinova — Ch. Ed. M., 2014. Issue 2: The debate of the past as the design of the future. P. 80–92*).

Ильин М. В. Между вещами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002а. С. 161–183 (*Ilyin M. V. Between things and meanings: Grounds concept analysis // Principles and directions of Political Studies. M.: ROSSPEN, 2002a. P. 161–183*).

Ильин М. В. Волны памяти versus сюжеты развития // Политические исследования. М., 2002б. № 4. С. 31–59 (*Ilyin M. V. Waves of memory versus subjects // Political researches. M., 2002b. N 4. P. 31–59*).

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. 2014. № 4 (75). С. 158–170 (*Ilyin M. V. Alternative political forms in historical time and civilizational spaces (I) // Politiya. 2014. N 4 (75). P. 158–170*).

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. 2015. № 1 (76). С. 82–102 (*Ilyin M. V. Alternative political forms in historical time and civilizational spaces (II) // Politiya. 2015. N 1 (76). P. 82–102*).

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х.Э.Бедекера; пер. с нем. М.: НЛО, 2010. С. 21–33 (*Koselleck R. The question of temporal structures in the historical development of concepts // History of concepts, history discourse, history of mentality: coll. art. / ed. J. E. Boedeker. M.: NLO, 2010. P. 21–33*).

Лассуэлл Г. Принцип тройного воздействия: Ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 135–143 (*Lasswell G. The principle of triple impact: The key to the analysis of social processes // Sociological researches. 1994. N 1. P. 135–143*).

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 206 (*Luman N. Tautology and the paradox of modern society self-description // Socio-Logos. M.: Progress, 1991. P. 206*).

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005а. 256 с. (*Luman N. Evolution. M.: Logos, 2005a. 256 p.*).

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005б. 256 с. (*Luman N. Reality of mass media. M.: Praxis, 2005b. 256 p.*).

Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005в. (*Luman N. Media Communications. M.: Logos, 2005b*).

Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007а. 360 с. (*Luman N. Introduction to the systems theory. M.: Logos, 2007a. 360 p.*).

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007б. 648 с. (*Luman N. Social Systems. Outline of the general theory. Saint-Petersburg: Nauka, 2007b. 648 p.*).

Международный журнал исследований культуры: научное рецензируемое электронное издание / гл. ред. Д. Спивак. СПб.: Эйдос, 2014. № 1 (14): Политические культуры: типологии и факторы развития. 104 с. // <http://www.culturalresearch.ru> (дата обращения: 28.08.2015) (*International Journal of Cultural Studies: electronic peerreviewed publication / Ch. Ed. D. Spivak. St. Petersburg: Eidos, 2014. N 1 (14): Political Culture: the typology and development factors. 104 p. // http://www.culturalresearch.ru (date of access: 28.08.2015)*).

Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–75 (*Olick J. Figurations memory process-relational methodology illustrated in the example of Germany // Sociological Review. 2012. Vol. 11, N 1. P. 40–75*).

Pro et contra: Политическая культура / ред. М. Павлова-Сильванская. М.: Моск. Центр Карнеги, 2002. № 3 (Том 7). 264 с. (*Pro et contra: Political culture / ed. M. Pavlova-Silvanskaya. M.: Carnegie Center, 2002. N 3 (Vol. 7). 264 p.*).

Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние / под ред. О. Ю. Малиновой и И. И. Глебовой. М.: ИНИОН РАН, 2006. № 3 (Political science: Studies of political culture / ed. O.Yu. Malinova and I.I. Glebova. M.: INION RAS, 2006. N 3).

Филиппов А. Ф. Перспективы теоретической социологии // <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 28.08.2015) (*Filippov A. F. Prospects of theoretical sociology. Access: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (date of access: 28.08.2015)*).

Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2003. 312 p.

Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J.C.Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.

Almond G. A. The Intellectual history of the civic culture concept // The civic culture revisited / Eds G. A. Almond and S. Verba. Newbury Park; London; New Delhi: Sage Publications, 1989. P. 1–36.

Amenta E., Ramsey K. M. Institutional Theory // Handbook of Politics: State and Society in Global Perspective / eds K. T. Leicht and J. C. Jenkins. New York; London: Springer Science + Business Media, LLC, 2010. P. 15–40.

Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds A. Erll and A. Nünning, in collaboration with S. B. Young. Berlin; New York: Gmb & Co. KG, 2010. P. 109–118.

Dijk T. A. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 308 p.

Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, Urbana: University of Illinois press. 1971. P. 84–99.

Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds A. Erll and A. Nünning, in collaboration with S. B. Young. Berlin; New York: Gmb & Co. KG, 2010. P. 151–162.

Wilson R. W. The many voices of political culture: Assessing different approaches // World politics. Cambridge University Press, 2000. Vol. 52, N 2. P. 264–273.

Wedeen L. Conceptualizing culture: possibilities for political science // American Political Science Review. Cambridge University Press, 2002. Vol. 96, N 4. P. 713–728.